

УДК 008:27-4

DOI:10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-11

Горбатенко А. Г. | **СООБЩЕСТВО И ОБЩИНА: К СЕМАНТИКЕ
СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ МАРФО-МАРИИНСКОЙ
ОБИТЕЛИ МИЛОСЕРДИЯ¹**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; imjus@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируются смысловые отличия социально открытых религиозных (христианских) сообществ. На примере общин сестер милосердия в России (сестричеств конца XIX – начала XX вв.) уточняется евангельская семантика служения сестер милосердия, исторические особенности сестринских общин. Специальное рассмотрение деятельности крупнейшей Марфо-Мариинской обители милосердия – уникального социального проекта великой княгини Елизаветы Романовой (прпмц. Елисаветы Феодоровны, Алапаевской) – позволяет различить общие и практические смыслы сестринского служения, а также проблематизировать вопрос о принципиальных условиях возможности сестринского служения в социально-исторической ситуации современной России.

Ключевые слова: сообщество; религиозное сообщество; община; сестры милосердия; женщины в Церкви; Марфо-Мариинская обитель милосердия; Российский Красный Крест; диаконаия.

Для цитирования: Горбатенко А.Г. Сообщество и община: к семантике социального служения Марфо-Мариинской обители милосердия // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 117-121. DOI:10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-11

A. G. Gorbatenko | **COMMUNITY AND SISTERHOOD: TOWARDS
THE SEMANTICS OF SOCIAL MINISTRY OF MARTHA
AND MARY CONVENT OF MERCY**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; imjus@mail.ru

Abstract: The article actualizes some semantic differences of Christian community as a practically or socially opened space of merciful ministry. The author pays a particular attention to the example of communities of sisters of mercy in Russia (sisterhoods of the late XIX – early XX centuries) analyzing the gospel semantics of the ministry of sisters of mercy and its historical evolutions in Russia. A special review of a unique social project of the Grand Duchess Elizabeth Romanova (Rev. Martyr Elizabeth Feodorovna, Alapaevskaya) allows us to distinguish general and practical meanings of nursing ministry concerning the activities of the largest Martha and

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на конференции «Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа» (Белгород, 21-22 октября 2019 г.). Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00403.

Mary Convent of Mercy, to problematize the question of the fundamental conditions for the possibility of merciful ministry in modern Russia.

Key words: community; religious community; sisters of mercy; women in the Church; Martha and Mary Convent of Mercy; Russian Red Cross; deaconesses.

For citation: Gorbatenko, A. G. (2019), "Community and Sisterhood: towards the semantics of social ministry of Martha and Mary Convent of Mercy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (4), 117-122, DOI:10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-11

О каком единстве понимания может идти речь, когда исследуются религиозные сообщества? Нетрудно предположить, что герменевтика религиозных сообществ подразумевает выявление некоторых общих им социальных смыслов, несводимых к социологическим оппозициям гражданского, или публичного, и частного пространств общественной жизни. Предпосылки «чистой социологии» (Теннис, 2002) здесь дополняются установками на особого рода жизненный активизм, ориентированный как онтологически, в перспективе социального самопонимания религиозных сообществ, так и прагматически – в семантике общего действия, направленного на сплочение с иными социальными акторами. За этими общими наблюдениями начинаются различия.

Если сосредоточиться на традиции – выявлении смысловой определенности христианских религиозных сообществ, уточнении их герменевтического горизонта, то стоит признать: в устройстве христианских религиозных сообществ дает себя знать особая, историчная семантика социальной открытости. Христианские религиозные сообщества в своем замысле никогда не начинались с некоей социальной мечты, не были исходно «воображаемыми сообществами» (Андерсон, 2001). С самого своего возникновения христианские сообщества были объединениями людей, в которых доминировало дружеское содействие и сослужение – свободное сплочение во Христе. «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от

Отца Моего» (Ин. 15:15) – таков отправной герменевтический пункт социального самопонимания в христианской общине – сообществе глубинно, по мере своей отзывчивости Слову Божию, друг другу близких людей. Эта отзывчивость предполагает не только готовность отозваться, но и созвать. Дружеский зов семантически не беден, не абстрактен; он требует некоторого конкретного богоподобия – открытости всему тому, что приобщает к Божеству. «Милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12:1); «не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим.12:2); «не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил» (Рим.12:3). Во всех этих суждениях апостола Павла – друга и «сообщника», ученика Христова – отчетливо дает себя знать понимание общины как некоторого деятельного согласия с Богом в перспективе социально открытой взаимности. Уникальность этого согласия, его конкретная событийность являются первичными историческими смыслами религиозных сообществ христиан. «Мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (Рим.12:5). Никто никого не замещает; но в единстве становится возможной неповторимость каждого и собственно сама община, с ее со стороны непосильными «бременами тяжелыми и неудобноносимыми» (Мф. 23:24); только в онтологической перспективе неповтори-

мых событий дружбы возможна ключевая забота общины – забота о других. «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте, даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8) – все это только для тех, у кого «было одно сердце и одна душа» (Деян. 2:44), «"общая жизнь", жизнь сообща» (Флоровский, 1991: 42) в смысловом пределе любви: «как я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34).

Российская история весьма ярко свидетельствует о семантике социальной открытости христианских сообществ; при этом особо выделяется православное общинное «имение служения» (Рим. 12:7) – социальное попечение о больных и бедных. Уже в Уставе князя Владимира мы находим: «А се суг церковный людие: игумен, поп, дякон и кто во клиросе, чернец, черница (проскурница), попада, попович, лечец, прощеник, задушный человек, манастыреве, больницы (больнии), гостинници, страноприемници. То люд церковный, богадельный...» (Макарий (Булгаков), 1994). По мере того, как проводилась церковная реформа Петра I и Екатерины II, число монастырей сокращалось, сестры оказывались вынуждены объединяться в общины нового типа (Крючкова, 2018), которые связывали всех общей идеей служения Богу и ближним, устраивая странноприимные дома, рукодельные мастерские, небольшие больницы. Такие общины просуществовали в России вплоть до начала XX века. Во многом благодаря попечительству Императрицы Марии Федоровны, к началу XIX века в России уже действовали больницы при храмах, которые назывались Мариинскими, и Вдовьи дома, которые потом положили начало движению Крымских сестер (Постернак, 2001). К 1850 году в Империи уже существовало несколько общин сестер милосердия, такие как Свято-Троицкая, Крестовоздвиженская, Никольская, Покровская общины (Постернак, 2001).

Одним из самых ярких примеров исторического развития смыслов сестрин-

ского сослужения стала деятельность Марфо-Мариинской обители милосердия – уникального явления в культурной и духовной жизни России начала XX века. Создание обители проходило под особым вниманием прессы. Так в еженедельнике, издававшемся Святейшим Синодом, 29 ноября 1908 года писали: «В недалеком будущем в Москве открывается новое благотворительное учреждение для бедных под наименованием "Марфо-Мариинская обитель милосердия"... Новое благотворительное учреждение для бедных будет в строго христианско-православно-церковном духе, и дело сестер милосердия будет подобно делу древних христианских диаконисс...» (Крючкова, 2018: 3).

Что принципиально нового было в создаваемой обители? В Европе уже с середины XVII века существовали «дочери милосердия» Винсента де Поля². В России же попечением о больных и бедных занимались либо монастыри, либо благотворительные общества, содержащиеся попечителями (в основном, Императорскими особами). Замысел же собрать сестер милосердия в одном месте для совместного проживания и труда – была новой для русского общества и, вместе с тем, социально вполне понятной перспективой «держаться хорошего» (1Фес.5:19–22).

К началу Первой мировой войны все сестры милосердия подчинялись Российскому обществу Красного Креста, возникшему в России в 1867 году, главной задачей которого во время войны было формирование лазаретов и санитарных отрядов для отправки их на фронт (Срибная, 2017: 9). Таким образом, характер служения сестер милосердия в России к началу XX века имел прежде всего социальный и даже социально-профессиональный ха-

² «Принципиальная цель, для которой Бог призвал и устроил дочерей милосердия, – почтить Господа Бога нашего Иисуса Христа, как источник и образец всякого милосердия, служа Ему телесно и духовно в лице больных, будь то больные дети, заключенные и другие...» – писал Винсент де Поль (Постернак, 2001: 10.)

рактически. Великая княгиня видела служение сестер милосердия в совершенно ином качестве. «Обитель труда и милосердия», по ее замыслу, должна была объединить молитву и социальное служение, быть направлено к миру, на помощь страждущим, но при этом не утрачивать, а только упрочивать то, что обеспечивало саму возможность такого дела, – онтологическую, спасительно-церковную глубину сестринского единства, их всестороннего согласия.

В Уставе Марфо-Мариинской обители было записано, что ее главное направление – *«помогать в духе православной Христовой Церкви больным и бедным и оказывать помощь и утешение страждущим и находящимся в горе и скорби»*. Это положение было вполне традиционным. Похожим образом высказывался о создании церковно-общественных сестричеств еще свт. Филарет Дроздов, обращая особое внимание на развитие монашеского начала в их деятельности (Крючкова, 2018: 3). Великая княгиня Елизавета, отзываясь на размышления святителя, радела о надежности сестрических общин, их целостно-дружеском устройении. В письме к императору Николаю II: «утром мы вместе молимся, одна из сестер читает в церкви в полвосьмого; в восемь часы и обедня, кто свободен идет на службу, остальные же ухаживают за больными, или шьют, или еще что... в полпервого сестры во главе с госпожой Гордеевой садятся обедать, я ем у себя одна – это мне по душе, и кроме того, я нахожу, что, несмотря на общежитие, некоторая дистанция всё же должна быть...» (Крючкова, 2018: 3).

С учетом условий времени в России, в устроенной ею обители княгиня хотела восстановления полноты социального служения как некоего дара, «диаконии»³; соответственно, предполагалось возобнов-

ление чина диаконис (по одеянию, а не по рукоположению) – помощниц или служительниц церкви, особо скрепляющих жизнь общины⁴. В диаконисы могли быть поставлены женщины не моложе 40 лет, девы и однобрачные вдовы, давшие обет целомудрия и пожизненного служения церкви Христовой, «по тщательном испытании их познаний и жизни, посвященные епископом и причисленные к клиру», – гласил документ, представленный Елизаветой Федоровной на Поместный Собор 1918 г.⁵ (Собор не успел до конца рассмотреть данный вопрос ввиду начавшихся кровавых событий; к 1918 году был расстрелян и митрополит Киевский Владимир, один из сторонников идеи диаконии (Крючкова, 2018: 138).

В обители был организован приют для девочек-сирот; сестры во главе с настоятельницей посещали нищие многодетные семьи, сама Елизавета Федоровна посещала обитателей Хитрова рынка, где находилась самые маргинальные и опустившиеся слои населения. В обители же была устроена столовая для бедных, где ежедневно выдавалось около 300 обедов, также в обители была своя амбулатория на 22 кровати. Такой труд настоятельницы и сестер обители вызывал уважение бедного населения Москвы, которое именовало княгиню Елизавету Великой Матушкой. В обитель тянулись новые насельницы. Если в самом начале в усадьбе на Большой Ордынке вместе с Елизаветой Федоровной поселилось всего шесть человек, то год спустя их насчитывалось около тридцати, а

³ Русское слово "служение" соответствует греческому *διακονία*, подразумевавшему особенный дар заступления (1Кор. 12:28): научения истинам христианской веры (Еф. 4:11) и заботы о немощных. Ср.: (Лопухин).

⁴ Это желание было вполне историческим: еще в XIX веке архимандрит Макарий (Глухарев), алтайский миссионер писал о необходимости помощи женщин в деле крещения, уборки храма, ухода за больными (Крючкова, 2018).

⁵ Между прочим, предполагалась и особая одежда диаконисы – серая ряса, белый апостольник, поверх которого одевается мафорий, белое покрывало, надеваемое на голову помимо апостольника и ниспадающее на плечи (Крючкова, 2018: 138.).

к 1918 году в обители было около 150 человек⁶.

После убийства Великой княгини Елизаветы Федоровны, до 1926 года Марфо-Мариинская обитель продолжала свое существование как Марфо-Мариинская трудовая община, но в 1926 году была окончательно упразднена, все насельницы высланы из Москвы, без права проживания в центральных городах России. После закрытия сестры продолжили свое служение и несение тех обетов, которые они дали, некоторые из сестер приняли монашество, такие как Ефросиния Журило, Зинаида Бреннер, Елена Пашкевич, духовник обители Митрофан также принял постриг (Крючкова, 2018).

Опыт сестер милосердия, помимо своей социальной задачи и воплощения истинно христианских идеалов, для нас открывает совершенно иной опыт устроения религиозного сообщества, подход к заботе о человеке в целом. В основе этого подхода – опыт встречи с человеком в его открытости, не только с его страданием, болью, но и с его глубинным достоинством. Как писал митрополит Антоний Сурожский, «никто не может отрешиться от земли и искать Царствия Божия, кто не увидел в глазах или на лице хоть одного человека сияния вечной жизни...» (Антоний (Блум), 2002). Преподобный Силуан Афонский в своем опытном переживании заповеди любви к ближнему писал: «И плачет душа моя за весь мир. Не могу молчать я о народе, который люблю до слез. Не могу я молчать, потому что душа моя скорбит всегда о народе Божиим» (Софроний (Сахаров), 2018: 360). В наставлениях духовника Марфо-Мариинской обители милосердия сестрам мы находим ту же самую христоцентричную установку: «Сестра! Помни всегда ту цель, ради которой учреждена обитель и ты пошла на труд. Цель эта – показать настоящему обществу Христа так, как

древнему языческому обществу показывали Его первые христиане...» (Митрофан (Серебрянский), 1994: 13).

Служение сестер милосердия уникально как монашеское и священническое служение; в то же время, оно вписано в общецерковную, общинную жизнь всей Церкви как Тела Христова. Опыт сестер Марфо-Мариинской обители милосердия говорит о том, что образ жизни, заповеданный Христом, в наше время актуален именно в меру своей социальной открытости и полноты. В этом смысле сообщество сестер милосердия можно назвать историчным сообществом социального исцеления, которое не замыкается в сознании собственной предназначенности, «не мечтает о себе», «не высокоумудрствует» – возникает и остается возможным как деятельно, поступательно «единомысленное» (Рим. 12:16) служение, оправдывающее человека в его извечном богоподобии, исходной его целостности, – «служение оправдания» (2Кор. 3:9).

Литература

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «Канон-пресс-Ц», 2001. 288 с.

Антоний (Блум), митрополит Сурожский. О встрече. СПб.: Сатис, 2002. 288 с.

Крючкова, М.Н. Традиции российского милосердия. М.: Издательский ДОМ ТОНЧУ, 2018. 496 с.

Лопухин, А.П. Толковая Библия. Толкование на Послание Святого Апостола Павла к Римлянам [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_63/12 (дата обращения: 10.10.2019 г.).

Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 400 с.

Марфо-Мариинская обитель милосердия [Электронный ресурс] URL: <https://www.mmom.ru/mmom/istoriya-obiteli/> (дата обращения: 10.10.2019 г.).

Митрофан (Серебрянский), свщисп. По стопам Христа. Наставления отца духовного

⁶ Марфо-Мариинская обитель милосердия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mmom.ru/mmom/istoriya-obiteli/>

сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия. М., 1994. 25 с.

Софроний (Сахаров), архим. Старец Силуан. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2018. 536 с.

Срибная, А.В. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 192 с.

Постернак, А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: Свято-Димитриевское училище сестер милосердия, 2001. 304 с.

Теннис, Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 456 с.

Флоровский, Г.В., прот. Пути русского богословия. Вильнюс: [б. и.], 1991. 601 с.

References

Anderson, B (2001), *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Transl. by Nikolaev, V., Kanon-press-Ts, Moscow, Russia (in Russ.).

Anthony (Blum), Metropolitan of Surozh (2002), *O vstreche* [About the meeting], Satis, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Florovsky, G.V. (1991), *Puti russkogo bogosloviya* [The ways of Russian theology], Vilnius, Lithuania, (in Russ.).

Kryuchkova, M.N. (2018), *Traditsii Rossijskogo miloserdija* [Traditions of Russian charity], TONCHU Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Lopukhin, A.P. *Tolkovaya Bibliya. Tolkovanie na poslanie svyatogo apostola Pavla k Rimlyanam* [Explanatory Bible. Interpretation on the Epistle of the Holy Apostle Paul to the Romans] [Online] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_63/12 (Accessed 10 October 2019) (in Russ.).

Makarij (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna (1994), *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of The Russian Church], Publishing House of the Transfiguration Valaam Monastery, Moscow, Russia (in Russ.).

Marfo-Mariinskaya obitel' miloserdija [Martha and Mary Convent of Mercy] [Online]

URL: <https://www.mmom.ru/mmom/istoriya-obiteli/> (дата Accessed: 10 October 2019).

Mitrofan (Serebrianskij) (1994), *Po stopam Khrista. Nastavleniya ottsa dukhovnogo sestram Marfo-Mariinskoj obiteli miloserdija* [In the footsteps of Christ. The spiritual father's instructions to the sisters of the Martha and Mary convent of mercy], Moscow, Russia (in Russ.).

Posternak, A. V. (2001), *Ocherki po istorii obschin sester miloserdija* [Essays on the history of communities of sisters of mercy], Sviyato-Dimitrievskoe uchilische sester miloserdija, Moscow, Russia (in Russ.).

Sophronij (Sakharov), Archimandrite (2018), *Starets Siluan* [Elder Siluan], Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Moscow, Russia (in Russ.).

Sribnaya, A.V. (2017), *Sestry miloserdija v gody pervoj mirovoj vojny* [Sisters of mercy during the First world war], PSTSU Publishing House, Moscow Russia (in Russ.).

Tennis, F. (2002), *Obschnost' i obschestvo: Osnovnye poniatija chistoy sotsiologii* [Community and society: Basic concepts of pure sociology], Transl. by Sklyadneva, D.V., Vladimir Dal, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Горбатенко Анжела Геннадиевна, магистрант, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; imjus@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Angela G. Gorbatenko, Graduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; imjus@mail.ru